

Доверие избирателей к выборам – важный фактор

Один из важных показателей успехов избирательных кампаний 2013 и 2016 годов заключался в их высококонкурентности. В 2013 году мэр Москвы был избран в острой борьбе между четырьмя серьезными кандидатами с европейским результатом в 51 процент. Выборы 2016 года были не менее высококонкурентны – 14 партий и в каждом округе в среднем по 12 кандидатов, включая самовыдвиженцев.

Первое, о чем нужно подумать сейчас, исходя из качества проведения избирательных кампаний 2013 и 2016 годов конкретно в Москве, это вопрос денег с точки зрения организации на выборах тотального видеонаблюдения. Такого, какое было в Москве на вышеозначенных избирательных кампаниях, когда партии, кандидаты, граждане имели доступ к видеонаблюдению за каждым из 3 363 участков через Интернет.

Подобная организация видеонаблюдения повышает уровень доверия и к выборам, и организаторам выборов. Человек может и не наблюдать за своим участком через Интернет, но сам факт того, что он может это сделать, просто подключившись к системе видеонаблюдения через Интернет, то есть принять участие в наблюдении, повышает уровень как доверия, так и, кстати, внимания к выборам. Вот почему по Москве, что в 2013 году, что в 2016 году серьезных обвинений в фальсификации выборов и недоверия к результатам выборов не было.

В 2013 году мы горизонтально работали вместе с Мэрией Москвы, с Московской городской избирательной комиссией, с Московской городской Думой, то есть с органами власти в Москве. Во всех этих органах были наши представители, и все кандидаты в мэры прислали к нам своих представителей, соответственно, решения мы принимали консенсусом. Это было очень трудно, на это было потрачено несколько ночей, но наша площадка, которая базировалась на Комиссии по гражданскому обществу Общественной палаты Москвы, которую я возглавлял, была нейтральной, что позволяло представителям кандидатов в мэры общаться на ней на равных.

То же самое мы попытались сделать в 2016 году. Правда, получилось не по максимуму – из 14 партий у нас было всего 13 представителей, одна

партия не захотела с нами сотрудничать, но зато пришли представители самовыдвиженцев. Но опять возникла горизонтальная ситуация, которая, как и в 2013 году, поддерживалась, скажем так, вертикалью. Тогда нас сильно поддержала Администрация Президента и лично Вячеслав Володин – нам помогли с видеонаблюдением и необходимым финансированием. В этом году наша вертикаль пополнилась Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Основной поток жалоб в 2013 году был на подозрении в фальсификации надомного голосования, то есть голосования вне избирательных участков. Всего было порядка нескольких сот жалоб – где-то наблюдатели не успели, где-то их не пустили в больницу или в тюрьму, где-то социальные работники проголосовали, и так далее.

По итогам выборов 2013 года мы обобщили свой опыт по подобным жалобам, провели две конференции на уровне Москвы с приглашением руководителей социального блока Правительства Москвы, ГУВД, ФСИН России, социальных работников. Приняли определенные меры, в том числе были изданы специальные приказы Министерства здравоохранения, Горздрава и др. В результате по выборам 2016 года таких жалоб просто нет.

Думаю, наш опыт стоит того, чтобы его распространять в регионах России. Он показывает, что создание и использование общей площадки для всех, скажем так, заинтересованных сторон, в данном случае, от партий и органов власти до наблюдателей дает неплохой шанс для успеха.

Теперь о негативном. После выборов мы – Общественная палата Москвы и наш штаб – провели два совещания, на которых сформулировали свои предложения. Вот первое из них. По итогам собственных исследований, опросов, изучения общественного мнения мы пришли к выводу, что одна из причин низкой явки в крупных городах – это слишком раннее время единого дня голосования. Примерно половины тех граждан, кто не проголосовал, объясняли это тремя причинами: «дачи, огороды, погода». Людей можно понять и мы выдвигаем предложение о переносе даты единого дня голосования, как минимум, на месяц, то есть, хотя бы на вторую неделю октября. Да, возможно, это не решит проблемы явки, но это решит проблему самочувствия людей, которые хотели бы проголосовать, но не хотели бы выбирать между голосованием и необходимостью решать личные проблемы.

Наше второе предложение касается психологического аспекта выборов, и я понимаю, что законодательно этот вопрос решить трудно. На выборах 2016 года мы столкнулись с эффектом, который я называю «эффектом Калининграда».

Итак, в 20:00 заканчивается голосование в европейской части России, кроме Калининграда. Дальше по всей стране комиссии работают, пересчитывают бюллетени, подводят предварительные итоги, но в публичном пространстве – тишина, практически информационный провал. Так как в Калининградской области голосование продолжается, в это время ничего

говорить нельзя, чтобы не повлиять на ход голосования в данном субъекте Российской Федерации – нельзя комментировать, давать результаты экзит-пулы, хотя они уже известны. Возникает нервная обстановка, потому что создается ощущение, что идет, как говорится, мухлеж.

Да, это длится всего лишь час, но этот час молчания весьма негативно действует на доверие. Мне объясняют, что с этим ничего сделать нельзя, потому что есть закон, регулирующий местное время. Но во-первых, количество избирателей Калининградской области и количество избирателей остальной части страны несопоставимы. Во-вторых, насколько объявление результатов экзит-пулов, предположим, на Камчатке повлияет на голосование Калининградской области?

Есть зарубежный опыт, который тоже говорит в пользу того, что одна область не должна задерживать всю страну. Недавно прошли выборы в Соединенных Штатах Америки и во Франции, где результаты голосования оглашались сразу после их завершения без оглядки на другие штаты и, как в случае с Францией, островные колонии.

Вот мы и предлагаем исправить эту ситуацию, которая достаточно серьезно влияет на уровень доверия к итогам выборов. Готовых рецептов у нас, конечно, нет, но можно опираться на международный опыт.

Эти предложения мы направили в Государственную Думу и в Совет Федераций от Общественной палаты Москвы.

По первому нашему предложению мы получили ответ от сенатора от Москвы Зои Федоровны Драгункиной. Она пишет, что «такой перенос не вызывает принципиальных возражений, однако надо учитывать...» и так далее. Все правильно. Но подобные вопросы не решаются усилиями одного сенатора. З.Ф. Драгункина передала наши предложения в Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Значит, что Совет Федерации или означенный Комитет будут наши предложения обсуждать, что уже радует. Будем надеяться, что дело дойдет и до конкретного решения.

Хотелось бы сказать и об открепительных удостоверениях. Дело тут не в самих этих удостоверениях, а в том, что каждому гражданину должна быть представлена возможность реализовать свое право голоса. Здесь очень важен вопрос доверия. В США 42 миллиона проголосовали досрочно, то есть приблизительно четверть всех избирателей. У них и по почте можно проголосовать, они доверяют почте. А для нас это нечто невозможное, как можно отправлять свой бюллетень по почте! Правда, нам удалось вывести из-под подозрения «надомное» голосование. Более того, нам удалось вывести из-под подозрения досрочное голосование. В Москве стало значительно меньше досрочно голосующих. Значит, нет ничего невозможного. Осталось подобным же образом решить вопрос и с открепительными удостоверениями.

Напомню, что по нашему предложению в Москве были введены дополнительные ограничения по открепительным удостоверениям. Их

мог оформить заместитель председателя участковой избирательной комиссии и только по определенной процедуре. В результате голосование по открепительному удостоверению в Москве занимало в среднем 2 минуты 21 секунду. То есть организационно механизм возможных манипуляций и фальсификаций был максимально затруднен. Еще и само голосование по открепительному удостоверению на фоне обычного голосования выглядело плохо – люди вокруг спокойно и быстро голосуют, а только к одному человеку стоит огромная очередь.

Об эффекте наших действий вокруг голосования по открепительному удостоверению пока мало что могу сказать, но, во-первых, мы к этому вопросу еще будем возвращаться, а во-вторых, во всяком случае, в Москве стало значительно меньше голосующих и по открепительному удостоверению. И уровень доверия к выборам в Москве все-таки вырос. Не было здесь ни демонстраций, ни требований отменить результаты выборов, как это было в 2011 году.

Я упрекаю себя в том, что мы не смогли решить вопрос явки. Но здесь моих или наших усилий недостаточно. Нужны общие усилия всех, в том числе и политических партий, которые любят предъявлять претензии к законодателям, избирательным комиссиям, организаторам выборов. Но именно политические партии и их лидеры должны мобилизовать своих избирателей.

В Москве 3363 участка. А от всех политических партий и кандидатов был 2291 наблюдатель. Это меньше, чем один наблюдатель на участок. При том, что в Москве в период голосования ни один наблюдатель не был удален с избирательных участков. Но излишнюю зарегулированность работы с журналистами и наблюдателями все же надо снять. Как показал день голосования, страхи о том, что наблюдатели или журналисты будут мешать течению выборов, оказались напрасными.